

УДК 1(410)(091)
ББК 87.3(4Вел)5-577

ПРОБЛЕМА ФИКТИВНЫХ СУЩНОСТЕЙ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА ДЖЕРЕМИ БЕНТАМА

Н.А. Сиома

В статье рассматривается классификация сущностей, предложенная классиком философии утилитаризма Джереми (Иеремией) Бентамом. Показано, что его идеи во многом сходятся с идеями Аристотеля. Особое внимание уделяется так называемым духовным сущностям, которые, по мнению Бентама, являются реальными, но нематериальными. Показана связь между позитивистским взглядом на природу права и проблемой универсалий. Объяснено намерение Бентама заменить «фикции» именами реальных вещей его стремлением сделать язык законов понятным.

Ключевые слова: Джереми Бентам, номинализм, сущность, субстанция, фикция.

Джереми (Иеремия) Бентам (1748–1832) был первым философом, предложившим новый подход к пониманию природы права, отличный от преобладавшей до него доктрины *lex naturalis*. Бентам решительно отрицал существование права вне легитимно принятого письменного закона. Позднее его мысли стали идейной основой для многих поколений англо-американских философов и юристов. Мы полагаем, что тщательный анализ его философских принципов является ключом к пониманию правового позитивизма. К счастью, Бентам оставил много сочинений, позволяющих судить о его взглядах на этику, логику и метафизику.

В самом начале своего «Фрагмента об онтологии» Бентам утверждает, что эта сфера является «...полем в высшей степени абстрактных сущностей... доселе нехоже-

ным лабиринтом, – неизученной пустыней» [4, р. 195]. Неудивительно, что впоследствии он направил свой интерес на классификацию видов сущностей, чтобы сделать онтологию более понятной. Предварительно можно сказать, что Бентам подошел к этому вопросу очень осторожно. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы проанализировать его мнение относительно определения этих «абстрактных сущностей», исходя из его правового позитивизма.

Другими словами, мы хотим показать отношение Бентама к очень старой философской дискуссии между номиналистами и реалистами о способе существования универсалий. Этот спор начался еще с «Введения» Порфирия к «Категориям» Аристотеля. Нужно сказать, что Порфирий лишь обозначил проблему, поставив вопрос, существуют ли универсалии в действительности и если да, то являются ли они физическими сущностями?

Длившаяся на протяжении столетий полемика между философами, условно объединяемыми под именами номиналистов и реалистов, породила целый ряд логических, гносеологических, онтологических, этических и даже богословских проблем. Среди них следует указать на проблему «фикций» – общих понятий, не имеющих обозначаемого ими предмета в объективной действительности.

В категориальном учении Аристотеля тому, что в латинском философском лексиконе будет названо универсалиями, соответствовали общие понятия-предикаты, высказывающиеся об абсолютном подлежащем – сущности. В отличие от «первых сущностей», под которыми понималось единичное сущее, содержание этих понятий составляли «вторые сущности», то есть то, что содержится в определении.

С точки зрения Бентама, безусловно разделявшего принципиальные установки номинализма, общие понятия-универсалии, обозначающие «вторые сущности», не обозначают вообще ничего, ибо ничему не соответствуют в реальности. Как такие они с полным основанием могут быть отнесены к разряду фикций – понятий «без специфического объекта».

К последним можно отнести и понятие «естественное право», анализ которого в значительной мере и побудил Джереми Бентама обратиться к проблеме универсалий.

Бентам различает все объекты либо как чувственные (животные, растения и вещества), либо как выводимые разумом. К «выводимым разумом» он относит сущности, которые мы часто называем «духовными»: человеческие (душа) и сверхчеловеческие (Бог). Их Бентам признает реальными, и, по понятным причинам, нематериальными.

К другому классу объектов, к «фикциям», Бентам относит понятия, являющиеся именами несуществующих вещей [4, р. 197]. Речь идет о словах, вызванных впечатлениями от чувственных объектов, или об идеях, возникающих под влиянием воображения. При этом следует иметь в виду, что термины, которые не обозначают ничего из области восприятия, все равно прямо или косвенно должны указывать на некоторые объекты. Именно поэтому Бентам не имеет сомнений в возможности замены фикций именами реальных сущностей.

Таким образом, Бентам ясно отдавал себе отчет в необходимости различия трех видов понятий: имен осязаемых объектов, имен выводимых разумом сущностей (души и Бога), а также имен всего остального – то есть «фикций». Каждый из этих трех видов понятий имеет разную природу, что требует нашего дальнейшего внимания.

Бентам не был заинтересован в самостоятельном онтологическом анализе духовных сущностей, скорее это предмет его этических рассуждений (стоит упомянуть такие работы, как «Не клянись вовсе», «Не Павел, а Иисус», «Анализ влияния естественной религии на временное счастье человечества» и «Англиканская церковь»). Поскольку невозможно получить более или менее достоверное знание по духовным вопросам, то онтология в его интерпретации лишь бегло касалась духовных сущностей.

Бентам остро реагировал на употребление вне Церкви обычной для клириков терминологии, видя возможный вред для понимания подобных выражений в других сферах. Например, во «Фрагменте об онтологии» он признает, что: *«...как для учащихся, так и для преподавателей логики, все эти (духовные) вопросы онтологии без особого ущерба для любого другого полезного искусства, или любой другой полезной науки можно оставить там, где они были найдены»* [4, р. 196].

Бентам считал вполне естественным признавать существование Бога и души как «сущностей, выводимых разумом» (inferential entities): *«...Автор и Творец... Эти имена такие же, как Бог – имена реальных, а не фиктивных сущностей»* [ibid., р. 208]. Это, однако, не мешает ему отрицать все производные от них «фиктивные» понятия.

Теперь нам следует разобраться с понятиями, которые не обозначают физические объекты. При составлении их классификации Бентам предлагает следующее деление: имена физических фиктивных сущностей (девять категорий, без «субстанции»); абсолютные фиктивные сущности первого порядка (материя, форма, количество и пространство); абсолютные фиктивные сущности второго порядка (качество и модификации); фиктивные сущности, связанные с категорией отношения;

политические и квази-политические фиктивные сущности. На наш взгляд, необходимо более детально рассмотреть это деление.

Очевидно, что девять категорий Аристотеля (без первой) являются лишь предикатами сущности. Философ очень наглядно объясняет, что «...*все другое [помимо первых сущностей] или говорится о первых сущностях как о подлежащих, или же находится в них как в подлежащих. Поэтому если бы не существовало первых сущностей, не могло бы существовать и ничего другого*» [1, Cat. 5, 2b5–10]. Джереми Бентама «Категории» интересуют в контексте поиска способа для объяснения и последующего устранения фиктивных понятий: если фикции связаны с субстанцией (первой сущностью) непосредственно (например, «падение тела»), то никакой сложности для понимания нет. Однако если фикция относится к другой фикции как к подлежащему (например, «свободное падение»), то в отдельных случаях возникает угроза принять грамматическое подлежащее как субстанцию. Поэтому, для корректного понимания фикций необходимо понимать понятия, которые стоят ближе всего к «первой сущности». В данном случае слово «падение» указывает на вторую сущность – слово «тело», которое указывает на первую сущность – физическое тело [4, p. 197].

Приведенный пример проявляет проблему именования фикций, как «сущностей»: ни одна из девяти последующих за субстанцией категорий сущностью не является. Слово «сущность» означает что-то действительно существующее, в то время как дополнение «фиктивная» указывает на то, что «сущность» на самом деле не имеет существования. Это противоречие в терминах Бентама объясняет тем, что «...*фиктивные сущности обязаны своим существованием только языку – своим невозможным, но и необходимым существованием*» [ibid., p. 198]. В этой связи у Аристотеля мы находим: «...*сущностями называются, прежде всего, первые сущности потому, что для всего остального они подлежащие и все остальное сказывается о них или находится в них*» [1, Cat. 5, 2b15–20]. Последнее является отправной точкой онтологических размышлений Бентама: все есть либо первая

сущность, либо грамматическая абстракция, не существующая вне языка.

Здесь мы должны сделать два замечания. Первое – касательно того, что Бентам отличает фикции и не-сущности. В то время как последние являются продуктами нашей фантазии и в большинстве случаев не воспринимаются всерьез (например, сказочные персонажи), фикции благодаря языку часто осознаются как сущности, которые также как и субстанции наделены реальным существованием. Второй момент касается ремарки Бентама: «...*к слову “фикция” мы не должны прилагать ни чувства удовольствия, ни чувства неудовольствия*» [4, p. 199]. На самом деле понятно, что чувства не могут быть фикциями хотя бы до тех пор, пока они не выражены в словах, и тем более они не могут быть субстанциями, поскольку не существуют сами по себе. Именно за это Бентам критикует священников и юристов, которые часто играют на чувствах, представляя их как реальность для своих «злых амбиций» [ibid., p. 199].

Таким образом, ясно, что о субстанции можно говорить с помощью понятий, входящих в девять остальных категорий. Бентам делает это в следующем порядке: (2) нечто должно быть в некотором определенном количестве, (3) быть определенного качества, (4) быть где-то размещено, (5) быть когда-то, (6) находиться в движении или (7) в состоянии покоя, (8) в действии, (9) претерпевать, и (10) быть в отношении. Он намеренно переместил категорию отношения на последнее место (у Аристотеля она четвертая в списке) из-за ее особенности: в нее полностью либо частично включены несколько других категорий [ibid., p. 201]. Мы рассмотрим этот вопрос ниже.

Между тем стоит обратить внимание на пояснения Бентама касательно формы и материи, или «абсолютных фиктивных сущностей первого порядка», как он их называет. Аристотель об этом говорит так: «...*субстрат в одном смысле обозначается как материя, в другом – форма [morphē] и в третьем – то, что из них состоит*» [2, Met. VII, 3, 1029a 5–10]. Тот факт, что первые сущности, которые в «наибольшей мере считаются сущнос-

тями» [2, Met. VII, 3, 1029a 5–10], состоят из материи и формы, провоцирует вопрос о способе их существования.

Бентам объясняет, что когда речь идет о реальной субстанции, то идея, ассоциирующаяся со словом «материя», не может рассматриваться отдельно от идеи другой сущности под названием «форма». При этом понятия «материя» и «форма» отличаются от понятия «субстанция» [4, p. 201]. В отличие от последнего, понятие «материя» в большинстве случаев не может быть применимо к бестелесным сущностям. Поэтому Бентам пишет: «...слово “материя” является именем класса фиктивных сущностей, возникающих из реальных, к которым применимо понятие “субстанция”» [ibid.]. Другими словами, «субстанция» является именем класса реальных объектов (как телесных, так и бестелесных), в то время как «материя» – именем класса фиктивных сущностей, которые указывают на телесные субстанции; аналогичный статус имеет и «форма».

Таким образом, очевидно, что Бентам в своем «Фрагменте об онтологии» следует за Аристотелем: каждое физическое тело имеет свою форму, материю, и может быть описано с помощью понятий, входящих в девять категорий. Все девять являются именами фиктивных сущностей, в то время как первая субстанция (сущность) – реальна.

Особо следует остановиться на анализе фиктивных сущностей, связанных с категорией отношения.

Аристотель об отношении говорит следующее: «...соотнесенное есть меньше всего некоторая сущность и нечто истинно сущее... для него одного нет возникновения, ни уничтожения, ни движения... необходимо, чтобы материей чего бы то ни было, значит и сущности, было то, что таково в возможности; соотнесенное же не есть сущность ни в возможности, ни в действительности. Поэтому нелепо, а скорее невозможно, считать, что не-сущность есть элемент сущности и первее ее, ибо все [остальные] категории есть нечто последующее по отношению к сущности» [2, Met. XIV, 1, 1088a25–1088b5].

Само собой разумеется, что «отношение» не имеет самостоятельного существо-

вания вне субстанций, и что свести его к конкретным сущностям, используя метод перефразирования, невозможно. Например, Джереми Бентам в своих воспоминаниях пишет: «Абстракция это одно, – объединение другое; отношение объемлет их оба; отношение является наиболее абстрактной из всех абстракций» [6, p. 72].

Когда речь идет об отношении двух реальных вещей, мы обязательно имеем дело с их именами, рядом с которыми всегда стоит третье имя фиктивной сущности отношения. Способ ее существования является исключительно номинальным, потому что, даже если представить, что все различные изменения сущности имеют объективное существование за пределами языка, например, в случае движения (оно, по сути, тоже есть отношение тела к чему-то другому), мы все равно не можем отрицать, что движение является движением чего-то.

На этот счет Бентам замечает, что любая реальная сущность должна быть представлена с помощью фиктивной, то есть имя, используемое для репрезентации, не может быть ничем иным, как именем фиктивной сущности» [4, p. 204].

В то же время мы не должны забывать, что категория отношения применима не только к реальным вещам, но и к фикциям. Вот почему Бентам предупреждает: «Однажды выбравшись из-под ковра, фиктивная сущность, именуемая “отношением”, раздувается до такой степени, что поглощает все остальные. Любая другая фиктивная сущность видится лишь ее модификацией» [ibid., p. 203]. В связи с этим Оскар Краус, ссылаясь на работу Дэвида Росса «Основы этики», подчеркивает, что «реальное» отношение может существовать только между вещами, которые действительно существуют [10, p. 111]. Например, Краус рассматривает словосочетание «круглый квадрат». На самом деле ни «округлость», ни «квадратность» не означают какую-либо вещь, потому что оба понятия являются грамматическими абстракциями. При этом связь между круглыми и квадратными вещами возможна: например, они могут соприкасаться, а это отношение смежности. Очевидно, что круглая вещь никогда не может быть квадратной, но «такое» их отношение не следует называть реальным. Поэтому, по сло-

вам Крауса, неправильно делать выводы о существовании реальных вещей на основе выводов, взятых из отношений между фиктивными сущностями, потому что, говоря о реальных веществе, вывод может отличаться.

На наш взгляд, уместно процитировать отрывок из «Анархических заблуждений» Бен-тама, где видно его отношение к грамматическим абстракциям нравственного характера (в частности, к «естественным и неотъемлемым правам человека»), которые часто применяют и в юриспруденции: «...*право на собственность. Хорошо! Но по отношению к чему? Потому что если мы говорим о правах на собственность беспредметно или безотносительно к тому, на что они распространяются, то вряд ли они будут иметь силу и напрасно стоит о них беспокоиться с такой торжественностью. Бесплезны все законы, которые устанавливают мое право на что-то абстрактное. Если это все, что они сделали для меня, а именно, если нет указанного предмета, на который распространяется мое право собственности, то я, либо должен взять то, что хочу без всякого права, либо остаться ни с чем. ...К сожалению, в большинстве вопросов, которые касаются собственности, право каждого человека есть право ничье*» [5, р. 503].

Как и в случае с «округлостью» и «квадратностью», «естественное» и «неотъемлемое» для того, чтобы быть понято, должно относиться к какой-то сущности. При этом, веря, что «право» является субстанцией для предикатов «природный» и «неотъемлемый», мы тем самым признаем истинность вековой теории естественного права. Однако не стоит забывать, что само понятие «право» есть фикция, которая указывает на действие законодателя, и в случае с естественными правами, в отличие от государственных законов, им должна выступать сама природа. Для Джереми Бен-тама это сложный вопрос: как природа может быть законодателем в юридическом смысле, особенно, учитывая действие физических законов природы, которые невозможно нарушить. Как возможное решение он предлагает теорию правового позитивизма. Последняя часть статьи будет посвящена именно этому вопросу.

Такие понятия, как «обязательство», «право», «власть», «привилегия», «преограти-

ва», «владение» (юридическое и физическое) и «собственность» Бен-там относит к разряду политических и квази-политических фиктивных сущностей. Все они являются названиями эффектов, которые возникают по следующим инициированным законодателем причинам: после команды, запрета, наказания, помилования, лицензирования или решения суда [4, р. 206].

Следует отметить, что указанные сущности своими первоначальными причинами имеют удовольствие и боль, которые чаще всего выражены в пяти санкциях (или также «источниках»), потому что опыт удовольствия и боли, по мнению Бен-тама, также является целевой причиной). На первом месте идет физическая санкция; затем санкция жалости, или симпатии, потом моральная и религиозная, потом – политическая, включающая в себя правовую [7, р. 290]. Обязательства, вытекающие из политического источника, самые сильные и поэтому эффективные – именно они позволяют говорить о правах.

Бен-там настаивает, что никаких прав без обязательств, наложенных законом, никогда не существует, но при этом обязательства без прав всегда возможны, однако неустойчивы [8, р. 217]. Таким образом, становится понятно, почему в работе «Не клянись вовсе» он пишет о сомнительной полезности религиозных клятв, которые накладывают обязательства, но не обеспечивают привилегий [9, р. 192]. Если обязательство не имеет правового характера, то оно, по мнению Бен-тама, слишком слабо, чтобы иметь практическое значение.

Не стоит, однако, полагать, что Бен-там пренебрегает моральными обязательствами. Напротив, он настаивает, что каждый человек полностью подчинен пяти упомянутым санкциям [7, р. 292], но, в отличие от четырех остальных, политическая санкция не может быть опущена ни при каких обстоятельствах. Например, он пишет: «...*юридическое обязательство выполнить определенное действие, возложенное на человека, предполагает, что в случае выполнения человек не будет страдать, но в случае невыполнения – будет обязательно*» [4, р. 206].

Таким образом, все упомянутые названия политических фиктивных сущностей (или «квази-политических»), из-за их частого ис-

пользования в других сферах, не связанных с политикой и правом), так же как и девять категорий Аристотеля (без первой), согласно Бентаму, должны указывать на определенную «первую сущность». К примеру, «обязательство» должно быть результатом команды того, кто его налагает. Бентам неоднократно заявлял об абсурдности наложения на себя обетов и клятв, которые не предполагают прав. Единственным обязательным условием для такой ситуации есть команда государственного законодателя, или то, что мы называем «законом». При этом то, что не имеет письменного выражения, например, желаемое право, согласно Бентаму, законом быть не может.

В заключение заметим: признавать или нет реальное существование универсалий – это вопрос мировоззрения; дискуссия до сих пор открыта. В нашей статье мы лишь показали отношение Джереми Бентама к этому вопросу. Как последовательный номиналист и эмпирик он не признавал реальность естественного права, называя это словосочетание «ерундой на ходулях» [5, р. 501]. Бентам первый поднял вопрос: какое отношение естественное право имеет к юриспруденции, если сама природа несовместима с государственными законами?

В дальнейшем философы, занимавшиеся этим вопросом, продемонстрировали ряд концепций, объясняя, чем естественное право является на самом деле, в чем заключается предмет философии права и чем должна заниматься юриспруденция. Однако именно практические идеи Бентама, в отличие от исключительно абстрактных размышлений представителей теории естественного права, создали основу философско-правового сознания многих поколений англо-американских юристов. Именно поэтому правовой позитивизм до сих пор остается доминирующим течением в западной философии права.

Очевидно, что для Бентама знание неотделимо от удовольствия и от боли, которые мы получаем из опыта. С оглядкой на духовные сущности он пишет: «...знания состоят из веры в факты, созвучные с опытом – из веры в то, что вызывает у нас удовольствие и желание избежать боли» [3, р. 93].

То есть, когда Бентам говорит об определенной сущности, его больше всего интересует возможность получения знания о ней. Например,

если что-то не является ни телесной, ни духовной субстанцией, то, очевидно, мы имеем дело с фикциями. Всю творческую жизнь Бентам настаивал на необходимости замены имен фиктивных сущностей именами реальных, что естественно навлекло на него критику за попытку изменить естественное развитие языка. Тем не менее следует снова отметить ту цель, которую преследовал британский мыслитель, а именно: сделать язык законов понятным.

Фундаментальная «непознаваемость» [7, р. 243] английского права в связи с существованием так называемого «судейского права» (judge-made law), которое основывается на «прецедентном праве» (common law), которое в свою очередь имеет своим основанием «естественное право» – все эти обстоятельства сделали возможным для Бентама назвать его родную правовую систему несовершенной. Конечно, спустя уже почти два столетия после Бентама сложно упрекнуть «несовершенное» британское право в нежизнеспособности. Но и не стоит забывать, что за это время произошло несколько реформ, осуществленных с опорой на его идеи.

Практические советы Бентама о недопустимости полагаться на мнения, основанные на именах фиктивных сущностей, которые, в свою очередь, создают сложный лабиринт понятий и, как следствие, проблемы с пониманием, применимы и полезны для любой науки, в особенности для юриспруденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Категории // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – 550 с. – (Серия «Философское наследие»).
2. Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1976. – Т. 1. – 687 с. – (Серия «Философское наследие»).
3. Beauchamp Philip (Jeremy Bentham). Analysis of the Influence of Natural Religion on the Temporal Happiness of Mankind. – L., 1822. – 140 p.
4. Bentham, J. A Fragment on Ontology / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham : in 11 Vol. / ed. by John Bowring. – Edinburgh, 1843. – Vol. 8. – P. 193–211.
5. Bentham, J. Anarchycal Fallacies / J. Bentham // The Works of Jeremy Bentham : in 11 Vol. / ed. by John Bowring. – Edinburgh, 1843. – Vol. 2. – P. 489–533.

6. Bentham, J. *Memoirs of Bentham* / J. Bentham // *The Works of Jeremy Bentham* : in 11 Vol. / ed. by John Bowring. – Edinburgh, 1843. – Vol. 11. – 575 p.

7. Bentham, J. *Nomography* / J. Bentham // *The Works of Jeremy Bentham* : in 11 Vol. / ed. by John Bowring. – Edinburgh, 1843. – Vol. 3. – P. 231–295.

8. Bentham, J. *Pannomial Fragments* / J. Bentham // *The Works of Jeremy Bentham* : in

11 Vol. / ed. by John Bowring. – Edinburgh, 1843. – Vol. 3. – P. 211–230.

9. Bentham, J. *Swear not at All* / J. Bentham // *The Works of Jeremy Bentham* : in 11 Vol. / ed. by John Bowring. – Edinburgh, 1843. – Vol. 5. – P. 187–299.

10. Kraus, O. *On Categories, Relations and Fictions* / O. Kraus // *Proceedings of the Aristotelian Society*. – 1941–1942. – Vol. 42. – P. 101–116.

THE PROBLEM OF FICTITIOUS ENTITIES IN JEREMY BENTHAM'S LEGISLATION

N.A. Sioma

It is shown that Bentham's understanding of the nature of things has much in common with the ideas of Aristotle. Particular attention is paid to the so-called spiritual entities, which, according to Bentham, are real and immaterial. Realizing Bentham's paramount interest in jurisprudence we explained his aspirations to replace fictions that have a questionable relation to the substances with the names of real things.

Key words: *Jeremy Bentham, nominalism, entity, substance, fiction.*